

Когда Янь Цзысю закончил проверять и давать указания остальным, он наконец подошёл к Шангуань Циннину и Ли Цзюню.

- Как продвигается репетиция? — спросил он.

- Всё в порядке, — ответил Ли Цзюнь.

Янь Цзысю повёл их обратно в класс. В комнате теперь были только они трое. Янь Цзысю взглянул на обоих и мягко произнёс:

- Покажите мне, что у вас получилось.

Шангуань Циннин кивнул и выбрал место, чтобы начать.

Он давно не играл, но, если честно, кое-какой актёрский опыт все же имел.

До того, как он оказался здесь, еще на третьем курсе университета, одна съёмочная группа приехала в их ВУЗ на натурные съёмки. Он с соседом по комнате как раз шёл в библиотеку, и их остановил ассистент режиссёра, спросив, не хочет ли Шангуань Циннин стать статистом.

Юноша никогда раньше не снимался, но двадцать лет — возраст, открытый для всего нового. Он почти без колебаний согласился.

Сначала он действительно получил лишь фоновую роль без слов, изображая сына одного из актёров. Но в процессе съёмок другой молодой актёр попал в неприятности, и сценарист перенёс его реплики на Шангуань Циннина.

В конце концов, они оба играли молодых людей, роли были схожи.

Шангуань Циннин сначала думал, что потеряет всего несколько дней, но съёмки затянулись. Ассистент режиссёра, опасаясь, что юноша будет недоволен, увеличил ему гонорар в несколько раз. Хотя парень и не мог сравниться с другими актёрами проекта, для Шангуань Циннина эта сумма была гораздо больше, чем он мог бы заработать на любой подработке.

На третьем курсе занятий было немного, и он совмещал учёбу со съёмками полтора месяца, пока наконец не закончил свою роль.

Режиссёрской группе нравился его покладистый, неконфликтный характер — когда были съёмки, он снимался, когда не было — читал. После завершения съёмок его даже спросили, не хочет ли он попробовать себя в шоу-бизнесе.

- Ты на самом деле довольно хорошо подходишь для актёрской профессии, — мягко сказал режиссёр. — Хотя у тебя нет профессионального актёрского образования, но у тебя сильное чувство контроля над эмоциями, игра естественная, и ты не робеешь перед камерой. К тому же ты умён, многие профессиональные моменты схватываешь на лету. Я работал со многими актёрами твоего возраста, и среди них ты — один из лучших. Тем более, у тебя хорошая внешность, актёрская стезя тебе вполне подходит. Есть ли у тебя такое желание? Если есть, я могу помочь.

Шангуань Циннин серьёзно обдумывал предложение целый день и наконец ответил режиссёру:

- Я хочу сначала доучиться. Я уже на третьем курсе, до выпуска осталось два года. Мне нравится моя специальность, поэтому я хочу получить диплом, а потом уже думать о другом.

Режиссёр, услышав это, с пониманием кивнул. Университет у Шангуань Циннина был достаточно сильным, входил в пятёрку лучших в стране, да и сам он был отличником по своей специальности. Неудивительно, что у парня имелись такие мысли.

- Тогда, когда окончишь университет, если появится желание, можешь связаться со мной, - сказав это, режиссёр оставил ему свой номер телефона.

Шангуань Циннин с благодарностью принял карточку, и на этом его первая съёмочная работа официально завершилась.

В первом семестре четвёртого курса Шангуань Циннин получил уведомление о зачислении в магистратуру без экзаменов. По сравнению с одиноким покорением незнакомого шоу-бизнеса, Шангуань Циннин внутренне всё же склонялся к магистратуре в своём ВУЗе, поэтому без особых колебаний отказался от карьеры в шоу-бизнесе.

Только он не ожидал, что его связь с миром развлечений окажется такой тесной — после перемещения он прямо-таки влип в сюжетную линию шоу-бизнеса, хотя сейчас эта сюжетная линия тоже почти закончилась.

Размышляя так, Шангуань Циннин быстро настроился на нужные эмоции и вошёл в роль отца.

Его способность к сопереживанию и эмоциональная адаптивность были высоки, во многом благодаря тому, что с детства он много читал, встречал в книгах персонажей с разными характерами и знал, как эти разные характеры реагируют на события. Другая причина заключалась в том, что с детства он пережил немало — и большую радость от поступления в престижный вуз на бюджет, и глубокую печаль от потери родителей. Он испытал эмоции, которых многим не довелось испытать, поэтому справлялся с ними относительно легко.

Шангуань Циннин опустил голову, закрыл глаза, а когда он ее поднял, выражение его глаза и мимика полностью изменилось, будто он стал другим человеком.

Ли Цзюнь пропустил перемену в его настроении, но Янь Цзысю заметил. Он снимался с Шангуань Циннином два месяца и впервые увидел в его глазах изменение эмоций. На мгновение он удивился, полностью сосредоточив взгляд на его лице.

- Я вернулся, — первым заговорил Ли Цзюнь, играя роль сына, — и теперь все соседи идут ко мне со всякими пустяками. Просто бесит!

Шангуань Циннин посмотрел на него с отеческой любовью. Да, именно с отеческой. Янь Цзысю был удивлён, но он действительно увидел в глазах Шангуань Циннина отеческую любовь, несвойственную его возрасту.

- Значит, ты способный, односельчане тебе доверяют.

Произнося реплику, он подошёл к Ли Цзюню, изображая, что наливает воду.

Однако Ли Цзюнь оттолкнул руку, будто отодвигая стакан на столе:

- Я не буду пить.

Янь Цзысю невольно нахмурился. В сценарии были эти слова, но не было этого действия. Добавление такого движения Ли Цзюнем искажало образ персонажа.

Он промолчал, молча наблюдая, как Ли Цзюнь и Шангуань Циннин играют сцену. Но чем дальше, тем мрачнее становилось лицо Янь Цзысю. Когда последняя сцена закончилась, Янь Цзысю взглянул на людей перед ним, и его выражение явно было недоброе.

Шангуань Циннин уже некоторое время общался с главным героем и знал, что такое лицо определённо означает недовольство. Юноша даже не удивился — с чего бы Янь Цзысю радоваться? Когда он снимался с изначальным героем, и тот захотел добавить себе несколько сцен, режиссёр Кан Сюй ещё не успел ничего сказать, как Янь Цзысю уже отчитал его.

А теперь Ли Цзюнь так откровенно приписывает себе сцены — если бы Янь Цзысю не разозлился, это был бы не он.

И действительно, в следующую секунду Шангуань Циннин услышал холодный голос киноимператора:

- Вы играете не совсем по сценарию.

Ли Цзюнь ещё не уловил опасность и бесстрашно заявил:

- Мы немного изменили текст.

- Мы? — Янь Цзысю приподнял бровь, глядя на него. — Это "мы" или все же "ты"?

Ли Цзюнь почувствовал себя неловко от этих слов и вынужден был признаться:

- Это я предложил изменения, но обсудил их с Шангуань Циннином и он согласился.

Янь Цзысю с недоумением взглянул на Шангуань Циннина, потом нахмурился и снова перевёл взгляд на Ли Цзюня:

- Тебе что-то не нравится в этом сценарии?

- Нет, не так... — ответил Ли Цзюнь.

- Тогда зачем ты его изменил?

- Я считаю, что так лучше проявляется характер персонажей, больше драматического конфликта. - Ли Цзюнь уже заранее подготовил оправдание.

Янь Цзысю усмехнулся:

- Этот фильм номинировался на премию «Золотой Османтус» в категории «Лучший сценарий». Иными словами, ты хочешь сказать, что ты лучше оригинального сценариста понимаешь его персонажей?

- Я не это имел в виду, — поспешил объясниться Ли Цзюнь.

- Не это? — с насмешкой произнёс Янь Цзысю. — Тогда зачем менять текст? Если ты не следуешь оригинальному сценарию, самовольно вносишь изменения, разве это не означает недовольства? По-моему, тебе не стоит быть актёром, тебе нужно идти в сценаристы. Раз так любишь менять сценарии, почему бы самому не создать оригинальный?

Ли Цзюня эти слова заставили онеметь.

- Хотел добавить себе сцен, да? Любишь демонстрировать своё мастерство? Тогда зачем тебе соперник в поединке? Мог бы сам сыграть обе роли, взять себе всю сцену. Что думаешь? — спросил Янь Цзысю.

- Я был неправ, учитель Янь, — Ли Цзюнь склонил голову.

Взгляд Янь Цзысю внезапно похолодел:

- Соревнование ещё не началось, а ты уже всю хитришь! Лучше бы потратил это время на то, чтобы ещё раз перечитать сценарий, хорошенько вникнуть в чувства персонажей. Даже не знаешь, какой характер у твоего героя, а ещё осмеливаешься добавлять сцены и говорить о проявлении характера! Не боишься, что над тобой посмеются?

Ли Цзюнь опустил голову, не смея смотреть на мэтра.

- Иди в зону ожидания. Я не позволю тебе стать моим учеником.

Услышав это, Ли Цзюнь в шоке поднял на него взгляд:

- Учитель Янь, я уже понял свою ошибку и признал её.

- И что с того? — Янь Цзысю смотрел на него. — Для меня личные качества актёра так же важны, как и его мастерство. В сцене-поединке для двоих у тебя и так гораздо больше реплик и возможностей проявить себя, чем у Шангуань Циннина. А ты что? Ты практически вырезал все его реплики. Ты что, и вправду не собирался оставлять ему шансов?

- Нет, — возразил Ли Цзюнь. — Я просто сделал это ради драматического конфликта. К тому же, он же согласился. - Ли Цзюнь посмотрел на Шангуань Циннина. — Если отправляете меня в зону ожидания, то мы должны пойти туда вместе.

Янь Цзысю повернулся к Шангуань Циннину.

Юноша спокойно сказал:

- Я согласен.

Он и так после первого раунда должен был вылететь в зону ожидания, а затем окончательно выбыть, так что отправиться туда сейчас не так уж принципиально.

- Я готов пойти в зону ожидания.

- Почему ты согласился с ним? — спросил Янь Цзысю.

Шангуань Циннин, услышав его недоброжелательный тон, спокойно ответил:

- У меня плохое мастерство. Высока вероятность, что меня выбьют в первом же раунде. Поэтому я и не хотел с ним спорить. Раз он хочет менять — пусть меняет. В конце концов, я всё равно выбываю, незачем из-за такого препираться.

Янь Цзысю больше всего ненавидел такое его безразличное отношение.

Он долго смотрел на Шангуань Циннина, будто хотел что-то сказать, но, учитывая присутствие Ли Цзюня, сменил тему.

- Ты не хочешь идти в зону ожидания, да? — спросил он Ли Цзюня.

Тот без колебаний подтвердил:

- Да.

- Тогда ответь мне на два вопроса. Какой характер у твоего персонажа, Чжан Жэня? Какие чувства он испытывает к своему отцу?

Ли Цзюнь замер на мгновение, затем ответил:

- Он очень самоуверенный человек, у него есть свои идеалы, он стремится к лучшей жизни, не хочет, как его отец, довольствоваться малым и оставаться посредственностью. В отношении отца он испытывает обиду и непонимание, но в конце концов готов склонить перед ним голову.

Янь Цзысю усмехнулся:

- И с таким пониманием роли ты ещё хотел добавить себе сцены? Ты вообще не чувствуешь эмоции, которые должен выражать этот персонаж! Все твои добавленные действия и реплики искажают образ, отклоняются от характера героя. Ты даже не разобрался в этом сценарии!

Ли Цзюнь растерянно захлопал глазами.

Янь Цзысю повернулся к Шангуань Циннину:

- Теперь ты расскажи, что это за люди — Чжан Жэнь и Чжан Го, какие чувства они испытывают друг к другу?

Чжан Го — это отец, которого играл Шангуань Циннин.

Шангуань Циннина не ожидал вопроса, но ему пришлось изложить своё понимание:

- Чжан Жэнь — это стремление вперёд, Чжан Го — сохранение устоев. Чжан Жэнь несёт в себе энергию молодости, он полон энтузиазма, у него есть амбиции и жажда успеха. Он боится стать таким, как его отец, поэтому действует слишком импульсивно, что и привело его в конце концов к неудаче и возвращению на родину. А Чжан Го чересчур консервативен, он выстроил внутри себя границы, не желая и не решаясь их переступить, поэтому неизбежно конфликтует с сыном. Но именно потому, что Чжан Го стоит на стороне стабильности, его характер более мягкий, поэтому он более снисходителен к другим, особенно к любимому сыну. Поэтому он первым уступает, первым отступает в споре. И Чжан Жэнь, видя его уступки, осознаёт свою поспешность и импульсивность, начинает переосмысливать себя.

- Родительская любовь направлена вниз. Каждый родитель глубоко любит своего ребёнка, поэтому часто первыми уступают именно родители, как Чжан Го. Название фильма — «Туманные (сизые) дали». Сначала я думал, в названии обыгрывается седина в волосах отца, но на самом деле оно относится не только к отцу, а к отцу и сыну вместе. Отец видит седые волосы на голове сына, осознаёт, что сын тоже постарел, поэтому старается ещё больше понять и простить его. А сын в этом понимании и прощении обнаруживает, что всю жизнь боялся стать таким же, как его отец, поэтому изо всех сил шёл противоположным путём и в конце концов действительно стал его противоположностью.

- Их примирение в финале — не потому что сын готов склонить голову перед отцом, а потому что сын примирился с собой. Он начинает принимать, что «стабильность» — тоже выбор, он

перестаёт смотреть свысока на отца, стремящегося к стабильности, перестаёт быть импульсивным и слепым. Поэтому на эмоциональном и духовном уровне он понимает своего отца. Он примиряется с собой, приближается к отцу и находит баланс между «стремлением вперёд» и «сохранением устоев», исправляя свои недостатки характера. На самом деле он всё ещё очень любит своего отца, как и отец любит его.

Ли Цзюнь остолбенел, глядя на Шангуань Циннина, в его глазах было потрясение. С того момента, как он вытянул номер Шангуань Циннина, он считал себя везунчиком. Позже, когда они репетировали вместе, а Шангуань Циннин почти ничего не говорил и позволял ему произвольно менять сценарий, он и вовсе решил, что этот парень — красивый дурачок, пустышка с одной лишь внешностью и без мозгов.

Но сейчас Шангуань Циннин спокойно излагал своё понимание персонажей фильма, с невозмутимым выражением лица и ровным тоном. Ли Цзюнь внезапно почувствовал, что, кажется, именно он больше похож на дурака, лишённого мозгов.

Парень, чувствуя сухость во рту, посмотрел на Янь Цзысю.

Тот холодно прокомментировал:

- Ты смотрел на него свысока, думал, что раз вытянул его номер, то гарантированно пройдёшь в этом раунде. А на деле? Ты уступаешь ему! По крайней мере, его трактовка персонажей верна. А ты... ты даже не понимаешь характерных черт своего героя. Иди в зону ожидания, ты проиграл.

Ли Цзюнь больше ничего не сказал, развернулся и вышел из класса наставника.

Янь Цзысю, увидев, что Ли Цзюнь ушёл, подошёл к камере и выключил её. Затем посмотрел на Шангуань Циннина с недовольством:

- Обычно ты довольно резок со мной, а тут что такое? Ли Цзюнь вырезал у тебя столько сцен, а ты просто смотрел и позволял это делать?

Шангуань Циннин спокойно ответил:

- Другие могут не знать, но ты-то знаешь. Я ведь изначально пришёл только на один раунд, отбыть повинность и уйти. Раз уж я всё равно уйду после первого раунда, зачем мне ради такого predetermined исхода с кем-то ссориться? Если бы я не позволил ему менять текст, он наверняка начал бы создавать проблемы, тянуть время, спорить. Незачем портить себе нервы. В конце концов, я в любом случае проиграю, так почему бы не сделать так, чтобы и ему, и мне, и всем было хорошо.

- Так что ты просто позволил ему резвиться, совершенно не заботясь о выступлении?

- А почему нет? Мне что, ради predetermined исхода тратить свои эмоции и силы?

- Тогда зачем ты вообще сюда пришёл?

- Чтобы не выплачивать десять миллионов! — уверенно заявил Шангуань Циннин. — Тебе это известно.

Янь Цзысю усмехнулся, в его глазах и на лице промелькнула холодность:

- Ты знаешь, что я ненавижу в тебе больше всего?

Шангуань Циннин задумался, решив, что, это, наверное, нечестность изначального героя, но сейчас не был уверен в ответе, поэтому спросил:

- Что?

- Твоё неправильное отношение к жизни, вечное отсутствие стремления к развитию! — холодно произнёс Янь Цзысю. — Так было и на съёмках. Ты прекрасно знал, что та картина Кан Сюя — твоя последняя надежда. И что? Ты по-прежнему не стремился развиваться. Что я, что Кан Сюй — советы, которые мы тебе давали, ты никогда не слушал, предпочитая пойти на сделку с Ху Цзяньчэном, вместо того чтобы в свободное время больше тренировать своё мастерство. Такой, как ты, даже если бы тебе дали новые ресурсы, разве ты бы с ними справился?

«Справлюсь или нет — одно дело, а то, что мне сейчас это не нужно, — другое. Я ведь не изначальный герой», — мысленно съязвил Шангуань Циннин.

- Твой мир состоит только из нулей и единиц? — спросил его Янь Цзысю. — Раньше ты изо всех сил хотел ресурсов, ради популярности этого шоу был готов принять роль жертвенного пугала. А теперь? Вот ты действительно пришёл на это шоу, тебя не делают пугалом, а ты снова ко всему относишься безразлично, только и думаешь, как бы отбыть один раунд и уйти. Твой мир — это только «важно» и «совершенно неважно»? Неужели ты не можешь исправить своё отношение к жизни и позволить людям увидеть тебя настоящего? Если тебе всё равно, то зачем мне было позволять тебе выбирать меня, зачем говорить съёмочной группе отменить твою роль жертвы в сценарии? Какой смысл в том, что я сделал для нынешнего тебя?

Шангуань Циннин понял:

- Значит, ты хочешь, чтобы я добросовестно участвовал в соревновании, серьёзно играл, да?

- А иначе зачем я сейчас распинаюсь?

- Тогда если я буду добросовестен, не подумаешь ли ты снова, что я на самом деле и не собирался уходить из шоу-бизнеса, а просто обманывал тебя?

Янь Цзысю замер:

- Ты этого боишься?

Шангуань Циннин взглянул на него:

- В твоих глазах я человек без особой репутации, но все же не хочу из-за этого снова выслушивать твои упрёки.

Янь Цзысю не ожидал, что у парня есть такие опасения. Помолчав, он тихо произнёс:

- Насчёт того, что было раньше, я извиняюсь перед тобой.

Шангуань Циннин: ???!!!

Янь Цзысю извиняется перед ним? Он не ослышался?

- Уходить из индустрии или нет — твоё дело, мне ни к чему вмешиваться. Поэтому тебе не нужно беспокоиться о моих мыслях, просто хорошо участвуй в соревновании.

Шангуань Циннин:

- Ты серьёзно?

Янь Цзысю кивнул.

Шангуань Циннин на мгновение перестал понимать, что у мужчины на уме, и мог лишь покорно кивнуть, молча наблюдая за Янь Цзысю.

- Но теперь Ли Цзюнь в зоне ожидания, мне нужно заново подобрать тебе соперника для поединка.

Шангуань Циннин кивнул:

- Хорошо.

Янь Цзысю смотрел на парня, но в душе возникали сомнения. Он хотел задать вопрос, но сначала все же решил дать ему возможность ещё раз сыграть роль, чтобы убедиться, а потом уже спрашивать.

Он велел Шангуань Циннину вернуться в репетиционную комнату продолжить изучать сценарий, а ассистента отправил вызвать следующую пару актёров для проверки и указаний.

Шангуань Циннин читал сценарий около полутора часов, выучив наизусть реплики и сына, и отца, когда почувствовал, что кто-то похлопал его по плечу:

- Шангуань Циннин, верно?

Юноша обернулся — перед ним стоял парень с очень правильными чертами лица.

Тот улыбнулся ему:

- Меня зовут Чжао Чэн. Моего соперника по поединку учитель Янь отправил в зону ожидания, а мне велел найти тебя, сказав, что завтра мы будем соревноваться на сцене с тобой.

- Хорошо, — Шангуань Циннин не возражал, ему просто было любопытно: - А что сделал твой соперник, тоже добавлял себе сцены?

Чжао Чэн кивнул.

- Много?

Чжао Чэн отрицательно помотал головой:

- Но учитель Янь сказал, что он присвоил себе самые характерные, самые яркие реплики, поэтому сыгранный им персонаж начал выглядеть нелепо, а мой стал казаться плоским.

Шангуань Циннин цокнул языком:

- Выходит, любителей добавлять себе сцены больше одного.

Чжао Чэн усмехнулся:

- Всё-таки это соревнование, кто не хочет победить?

- Жаль, что просчитались, наткнувшись на слишком строгого наставника. Печально.

Услышав это, Чжао Чэн встретился с ним взглядом, и они улыбнулись друг другу, принявшись вместе изучать сценарий.

Вечером Янь Цзысю проверил сцену и дал указания паре Шангуань Циннин — Чжао Чэн. На этот раз Шангуань Циннин играл сына, а Чжао Чэн — отца. Они решили это жребием, относительно справедливо.

Янь Цзысю, наблюдая за Шангуань Циннином, чьи эмоции и выражение лица полностью отличались от дневных, постепенно углублял взгляд.

Эмоции Шангуань Циннина были хороши. Будь то слоистость в игре отца днём — сначала раскрытие, потом сдержанность, или ударная сила полного эмоционального выплеска в роли сына сейчас — всё было идеально, точно попадая в точки эмоционального напряжения.

Но чем лучше он играл, тем больше удивлялся Янь Цзысю. Он ведь снимался с Шангуань Циннином, и с окончания тех съёмок прошло меньше месяца. Как Шангуань Циннин мог прогрессировать так быстро? Это нелогично!

В конце сцены в глазах Шангуань Циннина навернулись слёзы, но, в отличие от Ли Цзюня, он не дал им скатиться. Вместо этого он слегка отвернулся, моргнул, спрятав слёзы в глазах, и, будто ничего не произошло, сказал Чжао Чэну, игравшему его отца:

- Давай поедим.

Чжао Чэн закивал и тихо ответил:

- Ага.

На этом сцена закончилась.

Янь Цзысю взглянул на Шангуань Циннина, ничего не сказал, затем перевёл взгляд на Чжао Чэна. Мастерство Чжао Чэна было относительно слабее, поэтому Янь Цзысю дал указания по актёрской игре сначала ему.

Шангуань Циннин слушал рядом, думая, что Янь Цзысю довольно серьёзен: каждую проблемную часть он отмечал в сценарии, чётко объяснял суть проблемы и даже заставлял Чжао Чэна заново сыграть указанные им места.

Только когда все проблемы Чжао Чэна были разобраны, Янь Цзысю повернулся к Шангуань Циннину и дал ему несколько указаний по деталям.

Способность Шангуань Циннина к восприятию была хорошей — как только Янь Цзысю объяснял, он сразу понимал. Затем они с Чжао Чэном сыграли сцену ещё раз, после чего Янь Цзысю сказал им, что они могут идти отдыхать.

- Завтра в восемь утра будьте в телестудии, начнётся грим. Вы — четвёртая группа.

- Хорошо.

Шангуань Циннин и Чжао Чэн, закончив, ушли.

У Чжао Чэна был агент, который в это время ждал его в микроавтобусе.

- Пойдём вместе, — улыбнулся Чжао Чэн. — У тебя же нет микроавтобуса? Поедешь на моём.

- Не будет неудобно?

- Ничего неудобного, — Чжао Чэн проявил щедрость. — Мы всё равно живем в одном отеле, заодно сможем поужинать.

- Хорошо.

Шангуань Циннин, не став церемониться, согласился и отправил Чжан Юэ сообщение в WeChat, сообщив, что уезжает с Чжао Чэном и пожелав ей удачи.

Чжан Юэ как раз готовилась к проверке наставника Янь Цзысю, поэтому в ответ прислала ему нервный и жалобный смайлик.

Шангуань Циннин отправил стикер с поглаживанием по голове, советуя не волноваться.

Вечера уже были по-осеннему холодными. Молодые актеры вместе поужинали хого и вернулись в отель.

Как только Шангуань Циннин лёг в кровать, ему тут же захотелось пообщаться с Молчанием — золото.

Ник [Счастливый лимон] сменился на [Серьёзный лимон].

Серьёзный лимон: «Вернулся в отель, вымотался, только что поужинал с коллегой.»

Серьёзный лимон: «А-Чэнь, скажи, люди могут меняться?»

Размышляя о сегодняшних действиях Янь Цзысю, Шангуань Циннин неуверенно набирал: «Похоже, тот мой идиот-коллега стал меньше ко мне придирааться.»

Серьёзный лимон: «Сегодня, когда мы работали вместе, он даже извинился передо мной, чуть не напугав до смерти. Такой самовлюблённый зазнайка, а все же умеет извиняться?? И потом он не издевался надо мной. Как ты думаешь, что он задумал?»

Шангуань Циннин не мог понять: «Думаю, его профессиональные навыки действительно сильны. Сегодня я выступал довольно хорошо, но он всё равно заметил некоторые мелкие недочёты и указал на них. И правда, это сразу сделало мой проект более гладким. Когда он не ведёт себя как идиот, он на самом деле очень крут.»

Шангуань Циннин отправил кучу сообщений и, не видя ответа, предположил, что его друг, наверное, ещё занят. В конце концов, Молчание — золото лучший в своей отрасли, и, конечно, не может быть таким же свободным, как он.

Серьёзный лимон: «А-Чэнь, я пойду почитаю, вернёшься — стукни мне~»

Серьёзный лимон: «Пока-пока~»

Янь Цзысю получил возможность отдохнуть только ближе к одиннадцати вечера, наконец закончив работу с последней парой учеников.

- Слушай, зачем относиться к шоу так серьёзно? Другие учителя давно закончили, а ты всё ещё даёшь указания актёрам. У этого шоу есть сценарий, хоть у тебя его и нет, но у многих других

наставников и учеников он есть. Зачем так стараться? — уговаривал его Сян Чэнхун. — Не устал?

- Раз они выбрали меня и называют учителем Янем, я должен оправдывать это звание. Как поступают другие — их дело, ко мне это не относится.

Сян Чэнхун считал, что мужчина слишком серьёзен, но серьёзность не была плохой чертой, поэтому он ничего не сказал, только сообщил:

- Я заказал тебе еду, поешь в машине.

- Угу.

- Кстати, — Янь Цзысю посмотрел на него, — помоги мне достать номер телефона Шангуань Циннина, мне нужно с ним поговорить.

Сян Чэнхун удивленно спросил:

- Зачем тебе его номер? И разве ты не можешь сам попросить, если хочешь?

Янь Цзысю с презрением ответил:

- Если мне всё делать самому, тогда зачем мне вы, агенты и ассистенты?

Сян Чэнхун был в недоумении:

- Агенты нужны, чтобы вести переговоры о сотрудничестве, планировать твою актёрскую карьеру, а не чтобы выпрашивать для тебя чужие номера.

- Тогда с этого момента добавь эту услугу в свои должностные обязанности. Вперёд!

Сян Чэнхун: ... Его внутреннее «ММР» действительно едва не вырвалось наружу.

<п/п: напоминаю, эта аббревиатура означает нецензурное выражение>

- Что вообще происходит между тобой и этим Шангуань Циннином?

- Ничего.

- Ничего — и ты просишь его номер?

- Он сейчас в моей команде. Когда я давал ему указания сегодня, кое-что упустил, хочу восполнить. Поэтому и попросил тебя достать его номер, понял?

Сян Чэнхун не поверил, но раз Янь Цзысю попросил, ему оставалось только связаться с нужными людьми и получить номер юноши:

- Держи.

- Не у съёмочной группы просил?

- Конечно нет. Для таких мелочей не нужно беспокоить съёмочную группу.

Янь Цзысю остался доволен, сел в машину, взял у ассистента ужин и начал есть.

Его микроавтобус имел просторный салон, поэтому было не тесно. Янь Цзысю ел неторопливо, успевая заглянуть в телефон и проверить, не написал ли ему его книжный друг.

Как и ожидалось, Янь Цзысю увидел множество сообщений, отправленных два часа назад.

Молчание — золото: «Только что освободился, сейчас увидел.»

С той стороны быстро пришёл ответ: «Ничего страшного, почему ты так поздно закончил? Много работы?»

Молчание — золото: «Да, довольно много, даже поесть не успел.»

Серьёзный лимон: «Тогда сначала поешь, не торопись.»

Янь Цзысю, увидев, что собеседник поменял ник, спросил: «Снова сменил имя?»

Серьёзный лимон: «Потому что хочу стать серьёзнее.»

Янь Цзысю пролистал его предыдущие сообщения и спросил: «Это связано с тем идиотом-коллегой?»

Серьёзный лимон: «Отчасти. Он же сегодня надо мной не издевался, даже сказал, что если стану серьёзнее, будет лучше. Думаю, он прав. Я решил хорошо поработать в этой командировке, постараться, чтобы он взглянул на меня по-новому!»

Прочитав это, Янь Цзысю почему-то почувствовал лёгкое раздражение: «Ты придаёшь большое значение тому идиоту-коллеге?»

Серьёзный лимон: «Нет.»

Молчание — золото: «Тогда почему из-за его слов ты меняешь ник, своё отношение к работе и хочешь, чтобы он взглянул на тебя по-новому?»

Шангуань Циннин не совсем понял его мысль: «Это же нормально. Все хотят, чтобы те, кто раньше смотрели на них свысока, позже осознали, что ошибались, и стали уважать и признавать их.»

Но Янь Цзысю так не считал: «Если бы он был тебе безразличен, разве тебя волновало бы его отношение? Желание, чтобы он взглянул на тебя по-новому, само по себе возникает потому, что он тебе не безразличен.»

Шангуань Циннин был другого мнения: «Это софистика. Если на улице кто-то меня обругает, мне тоже будет неприятно, и я отвечу. По твоей логике, выходит, что я забочусь о нём, поэтому забочусь о его ругани? Конечно, нет. Просто мне не нравится, когда меня ругают. Точно так же мне не нравится, когда коллега смотрит на меня свысока, поэтому я и хочу, чтобы он взглянул на меня по-новому.»

Янь Цзысю подумал, что парень довольно умен в общении с ним, но не столь умен в отношении своего коллеги.

Молчание — золото: «Значит, сегодня он не издевался над тобой, дал несколько полезных указаний, и ты изменил о нём мнение? Решил, что он хороший человек.»

Молчание — золото: «Тебя слишком легко ублажить.»

Молчание — золото: «Это же обычный приём в актёрских реалити-шоу: сначала заставить человека сделать несколько плохих поступков, чтобы все разочаровались, а потом он случайно совершит что-то хорошее, и зрители подумают: «Вау, какой он хороший, он ведь не такой плохой, как я думал».

Молчание — золото: «К тебе это тоже применимо.»

Шангуань Циннин считал, что это не так, но он не мог толком объяснить Молчанию — золото свои чувства, поэтому не стал больше отвечать.

Янь Цзысю, увидев, что собеседник не отвечает, почувствовал ещё большее раздражение.

Молчание — золото: «Ты думаешь, что я неправ.»

Серьёзный лимон: «Давай сменим тему.»

Янь Цзысю: ...

Мужчина с глухим стуком положил телефон на стол. Какая ещё смена темы? Надо поесть!

Он взял палочками еду и удивился:

- Почему она такая холодная? Сяо Ван, когда ты заказывал ужин?

Сян Чэнхун с досадой посмотрел на него:

- При чём здесь Сяо Ван? Ты сам не ел, а болтал с кем-то, вот еда и остыла.

- Кстати, с кем? — заинтересовался Сян Чэнхун. — Ты как сел в машину, так и прилип к телефону, даже про еду забыл.

Внезапно ему в голову пришла мысль, и он с ужасом взглянул на Янь Цзысю:

- Ты что, влюбился?

Янь Цзысю: ...

- Ты слишком много думаешь.

Он отодвинул еду:

- Не буду есть, потом в отеле перекушу.

Сян Чэнхун не стал возражать и велел ассистенту все убрать.

Янь Цзысю услышал, как телефон раз за разом подаёт сигналы о новых сообщениях, снова взял его и увидел, что Лимон что-то написал.

Серьёзный лимон: «Ты читал эту книгу? Она довольно забавная, ха-ха-ха.»

Серьёзный лимон: «Почему молчишь? Снова занят?»

Серьёзный лимон: «А-Чэнь, ты обиделся? Из-за того, что я предложил сменить тему?»

Серьёзный лимон: «Ладно, я не считаю, что ты неправ. Просто думаю, что у него, кажется, всё

же есть достоинства.»

Серьёзный лимон: «Правда не обращаешь на меня внимания?? Обрати хоть немного~~»

Серьёзный лимон: [Рыдает][Рыдает][Рыдает]

Серьёзный лимон: [Катается по полу.jpg]

Янь Цзысю усмехнулся и ответил: «Можешь пойти поболтать со своим коллегой.»

Шангуань Циннин, увидев, что друг наконец отреагировал, сразу подскочил на кровати: «Не хочу, хочу с тобой поболтать.»

Серьёзный лимон: «Мы с коллегой даже не обменялись WeChat, телефонами тоже, кроме совместной работы, в остальное время — как чужие!»

Янь Цзысю остался доволен таким ответом и написал: «Но у нас тоже нет WeChat, нет телефонов, кроме общения при чтении книг, в остальное время — как чужие!»

«Это другое!» — ответил Шангуань Циннин: «Наши сердца вместе_ [Сердечки][Сердечки][Сердечки]»

Серьёзный лимон: «А-Чэнь, хочешь мой номер телефона и WeChat? Могу дать, прямо сейчас дам~~~»

Янь Цзысю, глядя на его ответ, наконец улучшил настроение, испорченное за вечер. Он подумал, что, пожалуй, стоит добавиться — а то такой сладкий и наивный Лимон, как он, рано или поздно будет обманут тем идиотом-коллегой и ещё станет за него заступаться. Лучше оставить контакты.

Молчание — золото: «Присылай, я добавлю.»

Шангуань Циннин по привычке хотел отправить свой нынешний номер телефона, но наполовину набрав цифры, остановился.

Молчание — золото был его другом, а не другом изначального героя. Значит, можно дать свой собственный WeChat?

Когда он был в семье Янь, то пробовал войти в WeChat из своего прежнего мира, но не смог, зато неожиданно аккаунт из прошлого мира удалось зарегистрировать.

Сейчас этот аккаунт в WeChat был одинок, без единого друга.

Молчание — золото, возможно, станет первым.

Шангуань Циннин слегка заволновался. Он быстро вошёл в свой знакомый аккаунт, тот, что сопровождал его много лет. Наконец, в этом мире он снова мог им пользоваться!

Шангуань Циннин отправил и ID WeChat, и номер телефона, на который был зарегистрирован этот аккаунт.

Номер был новый, специально выбранный им тогда, близкий к его прежнему номеру.

Серьёзный лимон: «Если мой телефон не отвечает, скорее всего, я занят, тогда пиши мне в

WeChat.»

Янь Цзысю, увидев его WeChat ID и номер, переключился на свой аккаунт, чтобы добавить человека, но осознал, что это его основной WeChat, в который он иногда загружает фото и прочее.

Вот неловкость. Они столько общались, и Лимон всё это время думал, что он обычный продавец или архитектор, а потом посмотрит на его ленту и — оп-па! Продавец — притворство, актёр — реальность!

Это было бы слишком шокирующе.

Поэтому Янь Цзысю пришлось переключиться на свой дополнительный аккаунт и добавить его оттуда.

Парень подтвердил заявку быстро, и вскоре Янь Цзысю увидел в списке друзей новую иконку — светло-желтый лимон.

Янь Цзысю написал первым: «Ты и вправду любишь аватарки с лимоном.»

Lemon: «Ха-ха-ха, он очень милый. Можешь называть меня НинНин.»

<п/п: слово Лимон (柠檬) по-китайски читается как нинмэн. Здесь уже пошла переписка в WeChat .>

Чэнь: «Лучше как-то иначе.»

«НинНин» — так его дедушка называл Шангуань Циннина, слишком легко перепутать.

Lemon: «Тогда хочешь называть меня МэнМэн?»

Янь Цзысю подумал: «Буду звать тебя А-Нин.»

Lemon: «ОК.»

Шангуань Циннин, глядя на сообщения собеседника и думая, что это его единственный друг в этом мире, не мог сдержать желания узнать о нём побольше.

Испытывая лёгкое волнение, он осторожно спросил: «А-Чэнь, мы можем поговорить по голосовой связи?»

Янь Цзысю невольно замер.

Затем он увидел, как собеседник пишет: «Я хочу поговорить с тобой, хочу услышать твой голос, можно?»

<http://bllate.org/book/17316/1639924>